

УДК 930.85

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-30-37

КАСЬЯНОВ Валерий Васильевич
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
culture@kubsu.ru

Valery V. KASYANOV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
culture@kubsu.ru

КОВАЛЕВ Виталий Владимирович
Институт социологии и регионоведения
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
vitkovalev@yandex.ru

Vitaliy V. KOVALEV
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
vitkovalev@yandex.ru

САМЫГИН Сергей Иванович
Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ)
г. Ростов-на-Дону, Россия
samygin78_@yandex.ru

Sergei I. SAMYGIN
Rostov State Economic University (RINE)
Rostov-on-Don, Russia
samygin78_@yandex.ru

1917 ГОД В РОССИИ: КРАХ ЦИВИЛИЗАЦИИ ИЛИ ПЕРЕХОД НА НОВУЮ СТАДИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ?

1917 IN RUSSIA: THE COLLAPSE OF CIVILIZATION OR THE TRANSITION TO A NEW STAGE OF HISTORICAL DEVELOPMENT?

В продолжении первой статьи мы осуществляем детальный анализ тех последствий, которые имела революция 1917 года для отечественной истории. Предметом внимания авторов становится онтологическая природа советского строя, который позиционируется как индустриальный с элементами типичного для российских экономических отношений традиционализма. В советские годы он приобрел характер планового производства, что частично соответствовало тенденциям, преобладавшим в управлении экономическими процессами на Западе. Стадиальное сходство между СССР и Западом раскрывается авторами также посредством акцента на параллельных изменениях в ментальном облике людей из обеих систем, выразившихся в секуляризации, десакрализации традиций, возрастании числа населения с высшим образованием, распространении потребительских ценностей. Проблема выбора исторического пути в советское время, по мнению авторов, была вновь актуализирована после обнаружения системного отставания от стран Запада в связи с вступлением их на новую стадию - постиндустриального общества. Как и в 1917 году, это отставание попытались решить за счет ментальной ассимиляции с западной цивилизацией. Данная попытка была предпринята на волне активного антисоветизма и тотального очернительства собственной истории. «Жертва» не была принята, что в очередной раз, по мнению авторов статьи, поставило перед наукой проблему выбора: Россия есть страна запаздывающей модернизации на пути универсального для всех народов всемирно-исторического процесса или она представляет собой самобытную цивилизацию со своей, присущей только ей логикой исторического развития? В последние годы наука и общественность приоритетно склоняются к выбору второй альтернативы. Такой подход ак-

In continuation of the first article, we provide a detailed analysis of the consequences that had the revolution of 1917 to the country's history. The subject of attention of the authors is the ontological nature of the Soviet system, which is positioned as the industrial, with elements typical for Russian economic relations traditionalism. In the Soviet years he acquired the character of planned production, which is partly consistent with the trends that prevailed in the management of economic processes in the West. Stadiial similarities between the USSR and the West is revealed by the authors also with respect to parallel changes in the mental character of the people of both systems, expressed in the secularization, desacralization of tradition, the increasing number of population with higher education, the spread of consumer values. The problem of choosing the historical path of the Soviet time, according to the authors, were re-actualized after the detection system behind Western countries in connection with their accession to a new stage - post-industrial society. As in 1917, this gap was tried to solve through mental assimilation with Western civilization. This attempt was made on the active wave of anti-Sovietism and total denigration of their own history. The "victim" was not accepted that once again, opinion the authors of the article, put before science the problem of choice: Russia is a country of retarded modernization in the way universal for all peoples of the world historical process or it represents a distinct civilization with its own logic of historical development? In recent years, the science and the public a priority tend to choose the second alternative. This approach actualizes the task of finding the internal, core reasons for the Russian society, its universal civil values. The authors believe that the success of these searches will depend on how successful will be the fight of the Russian authorities with challenges and problems that hinder the flow of the mod-

туализирует задачу поиска внутренних, стержневых оснований для российского социума, его универсальных гражданских ценностей. Авторы полагают, что успешность этих поисков будет зависеть от того, насколько удачной окажется борьба российской власти с трудностями и проблемами, мешающими протеканию современного исторического процесса.

Ключевые слова: 1917 год, революция, гражданская война, цивилизация, стадия исторического развития, формационный подход, стадийный подход, альтернативы, исторический выбор, смысл истории

Keywords: 1917, revolution, civil war, civilization, stage of historical development, formation approach, multi-stage approach, alternatives, historical choice, meaning of history

Так что же в итоге произошло с Россией в советские годы? Вышла ли она на новый уровень исторического развития? Оставив в стороне вопрос о «цивилизационном крахе», на первую часть дилеммы мы готовы дать безусловно положительный ответ.

Можно как угодно относиться к советскому прошлому, но нельзя не замечать того, что наша страна своим собственным, то есть самобытным, путем, крайне причудливым образом используя марксистскую теорию, смогла создать высокоиндустриальное общество, добившись возможности хотя бы несколько десятилетий успешно конкурировать с Западом в сфере развития технологий и промышленного производства. Безусловно, советская индустрия развивалась без учета потребностей «простого человека». Логика ее развития была подчинена идеологическим ориентирам, согласно которым трата финансов на помощь развивающимся странам, ставшим на путь построения коммунизма, рассматривалась властями как более перспективный и правильный путь расходования средств, чем, например, закладка заводов, выпускавших зубные щетки для собственного населения. В таком же ракурсе следует оценивать возможность отправлять людей в космос, создавать лучшие в мире модели военных самолетов и танков, но при этом неумение выпускать обувь, не раскисавшую после первого же осеннего дождя [6].

Помимо узкого промышленно-технологического аспекта, где достижения во времена СССР были особенно очевидны, нельзя не замечать и тех фундаментальных изменений, которые произошли в социальной и духовной сферах советского общества. Многие из них вполне укладываются в описательные признаки, данные Э. Тоффлером при анализе индустриального общества. Здесь можно обратить внимание на произошедшие в СССР урбанизацию, секуляризацию, повсеместное распространение ценностей потребительства, введение всеобщего среднего образования и высокий процент обучающихся в вузах. Таким образом, мы видим, что стремление строить коммунизм на практике привело к воспроизводству принципов индустриального общества без наличия явно выраженных признаков, свойственных коммунистической модели: отсутствия государства, денег, религии, семьи, права и т.д. Поэтому не случайно, что по своим многим позициям та советская система не была во всем антагонистична социально-экономическим процессам на Западе. Симптоматично, что в 50-70-е годы в Западной Европе и в США, также, как и в России, широко применялось планирование в экономике. Но его идейным основанием выступал не марксизм, а теоретические конструкции Дж. Кейнса [8]. Следствием этого стало появление многочисленных концепций конвергенции, постепенного слияния двух систем, наиболее известная из которых принадлежит Дж. Гэлбрейту [2].

Сейчас трудно сказать, что же реально было построено в советские годы. Ответ, скорее всего, приоритетно будет зависеть от политических симпатий автора. Если же постараться отрешиться от идеологических предрассудков, то общественной системе СССР, включавшей в себя по совокупности социальные, политические, экономические, духовные отношения, едва ли можно подобрать какой-то один эпитет. Уж слишком много в ней было противоречивого и двойственного, вызванного необходимостью так называемой отсрочки построения коммунизма и создания собственными силами, без помощи «передового западного пролетариата», необходимой для коммунистической формации эконо-

мической платформы, в том числе, как тогда говорили, в форме компромисса с буржуазными ценностями. Поэтому в СССР сохранялись торговля, деньги, мощное государство, откровенно потребительские настроения. Этот дуализм постоянно раскалывал социум на идейных и диссидентов, обывателей и энтузиастов, единоличников и коллективистов, порождая у большинства населения двойную мораль: одну для сферы повседневности, другую - для формальной реализации «заветов партии». Но совершенно точно можно отметить, что каждая из общественных систем - западная и советская - синхронно, но разными путями, вплоть до 70-х гг. XX века выходили на новые рубежи стадии индустриального развития [11], пока в какой-то момент вдруг не обнаружилось, что Запад переходит в постиндустриальное общество, а Россия опять начинает запаздывать. До момента обнаружения признаков системного отставания советская система, заявляя свой антагонизм по отношению к Западу, была подвержена единообразной с ним логике развития, задаваемой потребностями поддержания конкуренции между двумя мирами. И только после того, как советским руководителям пришла в голову мысль о том, что СССР начинает эту конкуренцию проигрывать, появились идеи о необходимости проведения реформ, получивших сразу же после их публичной декларации громкое название «перестройка». Типичный советский трюизм, скрывавший подлинную суть этого процесса, обычно называемого революцией. Россия перешла на новую стадию под названием «1917 год - вторая часть».

На самом деле, это был, конечно, 1991 год. Но уж слишком существенными выглядят типологические сходства между этими двумя датами российской истории. События 1917 года внезапно вновь приобрели для страны повышенную степень актуальности, только в принципиально ином контексте, чем они оценивались в советский период. В 1991 году значение приобретают рассуждения о возможных альтернативах революционного процесса, помимо, собственно, большевистского. Пусть история не знает сослагательного наклонения, но никто не может запретить рассуждать в таком ключе, когда целью рассуждения становится стремление выяснить, можно ли спустя время безболезненно сменить направление развития исторического процесса, исправляя ошибочный, как тогда виделось большинству, зигзаг истории. Применяя ассоциативную аналогию с названием известного голливудского фильма ужасов, в 1991 году посчитали, что состоялся «поворот не туда» со всеми вытекающими кошмарами для нескольких поколений [12].

Рубеж 80-90-х гг. - это период неслыханного очернительства нашей истории. Конечно, досталось больше всего сталинизму, но глубина критики достигала едва ли не даты основания Москвы. Проходила она в лучших традициях раннего западничества, когда любой исторический факт, не обнаруживавший типологического сходства с европейскими стандартами, подвергался порицанию, как проявление мракобесия, невежества, предубеждений. Едва ли следует считать случайным, что в таких условиях и с подобным отношением к своей истории вопрос о форсированном движении в сторону ушедшего вперед Запада опять становится актуальным. Вновь начинают повсеместно распространяться установки на то, что Россия должна стать частью западного мира. Теоретическое обоснование этому процессу дается через концепцию запаздывающей модернизации, согласно которой Россия относится к странам второго эшелона на пути к постиндустриальному обществу. Но, по сути, речь шла о тотальной вестернизации в виде безусловного и некритического восприятия политических, экономических, культурных институтов западного мира.

Вопрос оставался за малым: «готов ли Запад воспринимать Россию в качестве аутентичной части своей собственной культуры?». Ведь только положительный ответ на него означал воплощение мечтаний о том, что наша страна войдет в Совет Европы, Европейский союз, получит инвестиции на льготных условиях, станет равноправным участником распределения средств через общественные фонды, а рядовым гражданам будет предоставлена возможность свободно перемещаться в любом качестве по территории Европы и Северной Америки. Под обеспечение своего решительного настроения предоставлялись гарантии в виде полной ментальной перестройки и готовности выступать еди-

ным фронтом в фарватере западной политики против его политических, идеологических и экономических противников.

Утопичность всех этих умонастроений была уже давно высмеяна классиками. «Запад нам поможет!» - в этой саркастичной фразе Ильфа и Петрова отражаются несбывшиеся надежды российских либералов начала XX века, утраченные иллюзии лидеров белого движения о военном вторжении европейских армий для борьбы с большевизмом, крах ожиданий мировой революции самих же большевиков, начало которой они связывали с западноевропейским рабочим движением. Столь же утопичными оказались помыслы нашего недавнего прошлого. Запад отказал России в праве быть «Западом». Если попытаться понять, почему же это произошло, то едва ли требуется придумывать что-то оригинальное. Об отличиях России от Запада писали и продолжают писать, прежде всего, у нас самих вот уже на протяжении двухсот лет. Они касаются разницы в правовой культуре, отношения к собственности, государству (патернализм власти в восприятии россиян, партнерство - у европейцев), труду (высокая степень интенсивности в краткосрочном периоде у россиян, рационализм - у европейцев) и т.д. [5].

Стоит ли удивляться тому, что на Западе Россия воспринимается как нечто чужеродное? Едва ли. И этот латентный, а в некоторые исторические периоды и открытый антагонизм со стороны наших соседей заставляет усомниться в том, что всю сложность исторического процесса можно объяснить простым развитием государств и народов по тем стандартам и характеристикам, которые были заданы концепцией европоцентризма. Ведь если есть четкое разделение на «своих» и «чужих», признаваемое и самими европейцами, то из такого предположения в качестве логического вывода можно вывести лишь две альтернативы исторического процесса: либо наша культура принципиально иная, и тогда вопрос об универсальных стадиях развития отпадает сам по себе, так как у каждого народа будут свои стадии, либо мы культурно (экономически, политически, духовно) недоразвиты, и в этом случае наша судьба - встать в очередь за теми, кто готов признать себя европейцами, разменяв свою ментальность под залоговое обеспечение лояльности по отношению к Вашингтону, Берлину, Лондону, Парижу, Брюсселю.

Предложенная альтернатива с точки зрения современных отношений между Россией и Западом не более чем научная фикция. В рекордно короткие сроки в нашей стране найдется мало желающих еще раз наступить на прежние грабли, то есть поверить в готовность Запада пойти нам навстречу. Общественное сознание не готово предложить Россию в качестве колонии для западного культурного империализма. Можно даже сказать еще более категорично: необходимость, которая в этом была до и после 1917 года, в настоящее время отсутствует. Сейчас Европа и Северная Америка теряют статус мировых гегемонов. Даже в том, в чем Запад был на протяжении последних трехсот лет безусловным лидером - технологии, образование, армия, - на современном этапе уже не свидетельствует о его превосходстве. Китай, Япония, новые индустриальные страны (Тайвань, Сингапур, Малайзия), а также многие другие государства вполне способны к самостоятельной генерации технологических инноваций, обладают мощными армиями и развитой системой высшего образования. Это означает, что Запад утрачивает ресурсы для насильственного проникновения через государственные границы, а также в ментальную сферу других народов. Мир сохраняет шанс остаться поликультурным, а это означает, что концепция «запаздывающей модернизации» потеряла статус идеологии, посредством которой ранее осуществлялись широкие манипуляции общественным сознанием невестернизированных народов [10].

Европейский путь постепенно становится всего лишь одной из альтернатив мирового развития. Причем многие из его доминант, как оказалось, вполне способны из-за их утилитарности быть адаптированы к любой современной культуре без потери ее базовых, фундаментальных свойств [9].

Данный вывод является отправной точкой для оценки перспектив второго пути на определенной в начале нашей статьи интеллектуальной развилке возможных горизонтов процесса российской истории. Это - возвращение к истокам российской традиционности посредством использования принципов консерватизма в качестве средства обрете-

ния потерянной в 1917 году цивилизационной идентичности. Оценить перспективы этого пути не просто. По меньшей мере нам необходимо будет понять, сохранилась ли российская цивилизация или же она исчезла в бурных водоворотах истории, куда ее погрузила русская смута начала XX века.

Наиболее оптимальным мы считаем то определение цивилизации, которое было дано А. Тойнби. С его точки зрения, она представляет собой замкнутое и независимое от других социокультурное пространство, жизненные силы которого закладываются религией и территорией происхождения, а способность к развитию определяется исходя из потенциала, сформированного через преодоление разного рода неблагоприятных вызовов, слагающихся из внешних и внутренних факторов, как-то: бедные почвы, малоземелье, отсутствие полезных ископаемых, постоянные внешние угрозы и т.п. [14].

А. Тойнби полагал, что лишь те народы создают мощные цивилизации, которым требуется преодолеть какие-то очень существенные препятствия, но, главное, кто оказался способен их преодолеть, выработав в этих целях устойчивую интенцию для развития. И, действительно, исторически российская цивилизация возникла на бедных подзолистых почвах, не способных давать регулярный и богатый урожай, не обладая в своих недрах ресурсами золота и серебра, а также других стратегически важных металлов. Русские ютились в лесах, куда оказались загнанными страхом перед татарами. И дилемма была проста: либо погибнуть, либо стать сильными за счет соседей. Духовные силы для роста были приданы православием. А после того, как в 1453 году пал Константинополь, русское государство осталось независимым в единственном числе среди тех, где исповедовалась православная вера. Остальные свою независимость потеряли. Между тем православных народов в мире оставалось много, и это стало основанием для утверждения в сознании русских мессианской идеи о том, что Бог возложил на них функцию защиты других истинно верующих народов от религиозного притеснения. С таким духовным стержнем Россия за несколько веков превратилась в самое крупное по территории государство мира [1].

Россия и сейчас территориально является крупнейшим государством. Но вот то, какими духовными смыслами наполнено в наше время его социальное пространство, до сих пор является предметом ожесточенной научной полемики, длящейся на новейшем этапе развития науки с 1991 года и даже чуть раньше, с момента начала перестройки [3]. Современный мир остается конкурентным, но если раньше государства решали свои проблемы с помощью войн, то сейчас способы отстаивания интересов куда более разнообразны. Идеологическая интервенция, двойные стандарты, откровенный обман, манипуляции - в ход идет все [15]. Но любое доказательство национальной правоты имеет тем большую силу, чем сильнее само государство. Поэтому не случайно, что рассуждения о сохранности цивилизационной самобытности в нашей стране чаще всего ведутся в контексте идеи о возрождении величия России [13].

Не затрагивая пока вопрос величия, мы совершенно категорично заявляем, что в том качестве, в котором наша цивилизация вступила в 1917 год, она не сохранилась. В науке существует много семантических определений сущности цивилизации в России: евразийская, русская, российская, туранская и т.п. Все они основаны на стремлении авторов придавать частностям незаслуженно большой удельный вес и неспособности выстроить правильную иерархию факторов, имевших решающее значение для роста и укрепления цивилизационных основ [4]. На самом деле, цивилизация в России была православной. Именно православная вера определяла основу внешней политики, формировала ментальный облик народа, связывала общество и государство, а также спасала в те годы, когда страна оказывалась на краю гибели. Лишь последняя попытка обращения за помощью к религии оказалась неудачной - в годы гражданской войны. Защитники православия, попытавшиеся привлечь под свои хоругви крестьян и часть рабочих, потерпели неудачу. С той поры православная цивилизация уступила место новым духовным силам, которые предприняли попытку построить рай на земле, объявив религию, а вместе с ней и православие, «опиумом для народа». Несколько поколений россиян воспитывались в условиях воинствующего атеизма. Результатом стало то, что в соответствии с современ-

ными социологическими исследованиями религиозные ценности у ныне живущих россиян находятся где-то далеко во втором десятке [7]. Симпатии к православию у населения есть, но оно не входит в систему мотивационных потребностей и факторов, способных выступить в качестве силы, побуждающей к действию.

Эксперимент не принес желаемый результат, коммунизм построить не смогли. Теперь экспериментаторы говорят о державности и патриотизме. И вот здесь самое место задаться вопросом о том, каким же будет будущее России, будущее страны, которая потеряла духовный стержень, но осталась территориально самым крупным образованием в мире. Ответ на него лежит в контексте артикуляции страха перед опасностью провала нашей страны в затяжной и глубокий социальный кризис, усиления процессов аномии, распада территориального единства и потери государственного суверенитета. Это последний и самый нежелательный путь от определенной нами во введении к данной статье интеллектуальной развилки исторического процесса в России. Рефлексию на данный страх мы обозначим в заключении к проделанной работе, имея в виду ее итоговые выводы.

Мы уверены, что Россия еще долго останется государством в своих современных границах. Разделение, новые революции, нравственная деградация ей не угрожают. Напротив, есть надежда на возрождение в рамках новой цивилизационной идентичности. Она уже не будет православной. Религиозные традиции, раз разрушившись, как правило не восстанавливаются. Они иррациональны по своей сути, поэтому было бы очень наивно рассчитывать, что их удастся восстановить посредством каких-то рационализированных действий. Православие воспринимается большинством населения как историко-культурный атрибут. В этом плане ему гарантированы симпатия и признание. Но в качестве смысла жизни и даже повседневных практик ритуально-обрядового характера большинство современных россиян из-за крайне низкого уровня внутренней религиозности православию враждебны. Российский менталитет в основе своей был и остается в последние несколько десятилетий светским. Масштабного религиозного ренессанса, как можно было ожидать в начале 90-х годов, не случилось. А теперь уже и ожидать не стоит. Новая российская цивилизация будет черпать силы из других источников. Во-первых, у нас остается сильное государство, проводящее в последние годы активную политику по созданию властной управленческой вертикали, которая позволит увеличить количество рычагов воздействия на общество, как в плане производства ресурсов, так и с точки зрения их распределения. Большинство россиян обладают патерналистским сознанием, что позволяет надеяться на лояльное отношение к процессу укрепления государства. Во-вторых, россияне уже не раз доказывали свою способность адаптироваться к самым разным социальным изменениям. Поэтому ментальный облик населения нашей страны вполне может быть выстроен с помощью современных технологий управления сознанием в таком ракурсе, как это необходимо для наилучшей приспособляемости к современным запросам времени. Подконтрольность СМИ в немалой степени облегчает для власти решение этой задачи. И, наконец, в третьих, в значительной степени успешное разрешение современных проблем зависит от того, насколько эффективно власть окажется в состоянии добиться высоких макроэкономических показателей. Россияне являются в той же степени потребителями, что и западные европейцы. Поэтому материальные лишения и трудности при отсутствии какой-то воодушевляющей на подвиги идеологии обусловят падение легитимности политической власти. Между тем охлаждение отношений с Западом и связанное с этим обесценивание национальной валюты в каком-то смысле стало одним из факторов экономического оздоровления. Во многом рассчитывать теперь приходится на самих себя, что побуждает к развитию собственного производства товаров, услуг и технологий.

Все перечисленное, безусловно, важно, но ничто из сказанного не будет иметь значения, если оно не подкрепится наличием соответствующей политической воли. Если российская власть не сможет перебороть инерцию на всех социальных уровнях, не избежит соблазна превращения казны в собственную вотчину, потерпит фиаско в борьбе с

преступностью, задавит социальные институты под тяжестью бюрократизма, то крах цивилизации в России окажется неминуем. Будем надеяться, что этого не произойдет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Волков Ю.Г., Лубский А.В. Основы социологии и политологии. - М.: Инфра-М, 2013.
2. Гибрейт Дж. Новое индустриальное общество. - М., 1969.
3. Зверева Т.В. Как дружить цивилизациями? // Международная жизнь. - 2013. - № 9.
4. Ильина А.В. Территория: от формационного подхода к цивилизационному анализу // Личность. Культура. Общество. - 2015. - Т. 17. - № 1-2.
5. Исаев Б.А. Российская цивилизация как вид европейской цивилизации // Политическая экспертиза. - 2006. - Т. 2. - №1.
6. Касьянов В.В. Социология культуры. - Краснодар: Периодика Кубани, 2014.
7. Кофанова Е.Н., Мchedlova М.М. Религиозность россиян и европейцев // Мониторинг общественного мнения. - 2010. - № 2.
8. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. - М.: Гелиос, 2002.
9. Кирдина С.Г. Философия российской модернизации: от цивилизационного к институциональному подходу // Россия реформирующаяся. - 2013. - №12.
10. Лубский А.В. Идентичность: методологические проблемы дискурсивных практик // Социально-гуманитарные знания. - 2013. - № 11.
11. Мартынов Б.Ф. «Цивилизация модерна» против цивилизаций С. Хантингтона // Международные процессы. - 2012. - Т.10. - № 29.
12. Морозова О.М., Самыгин С.И., Стариков Н.В. Всемирная история. - Ростов н/Д: Феникс, 2010.
13. Морозов Н.М. Опыт операционализации цивилизационного подхода // Дневник АШПИ. - 2013. - № 29.
14. Тойнби А. Постигание истории. - М.: Айрис-пресс, 2002.
15. Эмар М. О различиях и связях между цивилизациями // Синтез цивилизации и ры. - 2003. - № 4.

REFERENCES

1. Volkov Yu.G., Lubskiy A.V. Osnovy sociologii i politologii, [Fundamentals of sociology and political science]. M.: Infra-M, 2013.
2. Gibrait John. Novoe industrialnoe obshestvo [The new industrial society]. M., 1969.
3. Zvereva T.V. Kak družhit civilizaciami? [How to make friends with the civilizations?], Mezhdunarodnaya zhizn = International life. 2013. No.9.
4. Ilyina A.V. Territoria: ot civilizacionnogo podhoda k civilizacionnomu analizu, [From the formational approach, civilizational analysis], lichnost. Kultura. Obshestvo = Personality. Culture. Society. 2015. T. 17. No.1-2.
5. Isaev B.A. Rossiyskaya civilizaciya kak vid evropeyskoy civilizacii, [Russian civilization as a kind of European civilization, Politicheskaya ekspertiza = Political expertise. 2006. Vol. 2. No.1.
6. Kasyanov V. V. Sociologia kulturey, [Sociology of culture]. Krasnodar: Periodika Kubani, 2014.
7. Kofanova E.N., Mchedlova M.M. Religioznost rossiian i evropeycev, [Religiosity of Russians and Europeans], Monitoring obshestvennogo mneniya = Monitoring of public opinion. 2010. No.2.
8. Keynes John. M. Obshaya teoriya zaniyatosti, procenta i deneg, [The general theory of employment, percent and money]. Moscow: Gelios, 2002.
9. Kirdina S.G. Filosofiya rossiyskoy modernizacii: ot civilizacionnogo k institucionalnomu podhodu, [The philosophy of Russian modernization: from civilization to an institutional approach], Rossiya = Russia. 2013. No.12.
10. Lubskiy A.V. Identichnost: metodologicheskie problemy diskursivnykh praktik, [Identity: methodological problems of discursive practices], Socialno-gumanitarnye znaniya = Social-humanitarian knowledge. 2013. No.11.
11. Martynov B.F. "Civilizaciya moderna" protiv civilizacii S. Huntingtona, ["Civilization of modernity" against the civilizations of Samuel Huntington], Mezhdunarodnyye processy = International processes. 2012. T. 10. No.29.
12. Morozova O.M., Samygin S.I., Starikov N.V. Vsemirnaya istoriya, [The history of the world]. Rostov-na-Donu: Feniks, 2010.
13. Morozov N.M. Opyt operacionalizacii civilizacionnogo podhoda, [Experience in operationalization of the civilizational approach], Dnevnik ASPI = Journal of ASPI. 2013. No.9.

14. Toynbee A. Postizhenie istorii [Comprehension of history]. M.: Ayris-press, 2002.
15. Emar M. Orazlichiih i sviaziah mezhdu civilizaciami, [About the differences and relationships between civilizations], Sintez civilizacii i cultury = Synthesis of civilization and culture. 2003. No.4.

Информация об авторах:

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
culture@kubsu.ru

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
vitkovalev@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, кафедра управления персоналом и социологии, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия
samygin78_@yandex.ru

Получена: 07,10,2017

Для цитирования: Касьянов В.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. 1917 год в России: крах цивилизации или переход на новую стадию исторического развития? Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 5. Часть 2. с.30-37.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-30-37.

Information about the authors:

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Russian History, Kuban State University, Krasnodar, Russia
culture@kubsu.ru

Vitaliy V. Kovalev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology for Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
vitkovalev@yandex.ru

Sergei I. Samygin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Human Resource Management and Sociology, Rostov State Economic University (RINE), Rostov-on-Don, Russia
samygin78_@yandex.ru

Received: 07,10,2017

For citation: Kasyanov V.V., Kovalev V.V., Samygin S.I. 1917 in Russia: the collapse of civilization or the transition to a new stage of historical development?. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. no. 5 Part. 2. Pp. 30-37.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-30-37. (in Russian)